

Объ открывающейся въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ вакансіи дѣлопроизводителя.

Совѣтъ училища, съ разрѣшенія Его Преосвященства, публикуетъ, — нежелаетъ-ли кто изъ градекаго духовенства или изъ лицъ свѣтскаго званія занять открывающуюся вакансію дѣлопроизводителя въ Совѣтъ училища, при-совокупляя, что жалованья ему за дѣлопроизводство и письмоводство ассигновано *сто рублей въ годъ*. Желающіе могутъ подавать прошенія въ Совѣтъ не позже 15 мая сего года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о современномъ положеніи калмыковъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) ().*

Послѣ скотоводства важнымъ источникомъ пропитанія, преимущественно для самыхъ бѣдныхъ калмыковъ, служитъ рыболовство, которымъ они занимаются не какъ промысломъ и предметомъ торга, а только для удовлетворенія насущныхъ потребностей, или какъ заработкомъ... Обширная рыбопромышленность Астраханскаго края требуетъ весьма много рабочихъ рукъ, а такъ-какъ калмыки отличаются особенною способностію сравнительно съ русскими къ труду, удивительною выносливостію, терпѣливостію, неприхотливостію, привычкою ко всевозможнымъ лишениямъ, неутомимостью при сильномъ зноѣ или холодѣ, — то повятно, что рыбопромышленники весьма охотно нанимаютъ ихъ на работы и предпочитаютъ русскимъ. Поэтому на всякомъ промыслѣ, на всякой ватагѣ, на каждой рыболовной лодкѣ непременно встрѣчаются калмыки и между ними замѣчательные специалисты своего дѣла: неводчики, пятчики, икрянники, рѣзальщики, клейщики, жпротопы и пр. Приблизительно предполагаютъ, что всѣхъ калмыковъ, работающихъ у рыбопромышленниковъ, среднимъ числомъ болѣе десяти тысячъ...

По свидѣтельству людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ рабочихъ, на рыбопромышленныхъ заведеніяхъ весьма рѣдкіе изъ рыболововъ — калмыковъ живутъ достаточно и сберегаютъ на черный день копѣйку изъ заработной платы: почти вся заработная сумма тратится на приобретение вещей, необходимыхъ для рыболова: поршней, рукавиць, чапана и пр., потомъ на содержаніе себя или семьи, на взпосъ *албана* (подавай), на ремонтъ *китыкы* и

(*). См. № 18 „Астрах. Епарх. Вѣдом.“ 1876 года.

т. п. Къ этому прибавить нужно еще то, что некоторые рыбопромышленники, особенно изъ мелкихъ, пользуясь простотою, довѣрчивостію и невѣжествомъ своихъ рабочихъ, часто недобросовѣстно эксплуатируютъ ихъ трудъ: усчитываютъ у бѣднаго калмыка каждую копѣйку, дѣлаютъ несправедливые расчеты, берутъ непомѣрные цѣны за забираемыя у нихъ необходимыя вещи и продукты. Правда, по распоряженію главнаго калм. управленія, во избѣжаніе разныхъ споровъ и тяжбъ между калмыками и рыбопромышленниками, заведены расчетныя книжки, но на практикѣ онѣ по имѣютъ почти никакого приложенія... Извѣстная доля ответственности за бѣдность, конечно, должна падать и на самихъ рабочихъ—калмыковъ: на ихъ безпечность, беззаботность о завтрашнемъ днѣ, безпорядочное часто поведеніе, особенно страсть къ вину и къ азартнымъ играмъ въ карты. Но въ этомъ случаѣ о бѣдныхъ калмыкахъ нужно судить не очень строго, какъ и о всѣхъ вообще proletariatsъ. Доведенные разными обстоятельствами, особенно ненормальными условіями гражданскаго быта, почти до безвыходнаго положенія, они, получая скудный заработокъ, вѣроятно, инстинктивно поступаютъ сообразно слѣдующему разсужденію, въ основѣ котораго положена одна изъ русскихъ, неотраднѣйшихъ пословицъ: «такъ-какъ шиломъ моря не нагрѣвашъ, то не лучше-ли употребить свой скудный заработокъ хоть на какое нибудь удовольствіе, хотя-бы и грубое, чтобъ въ немъ хоть на минуту забыть свою тяжелую долю».

Для выломки соли на многочисленныхъ Астраханскихъ соляныхъ озерахъ также охотно нанимаютъ калмыковъ, которымъ обыкновенно достается самая тяжелая и черная работа: разбивка соли, промывка ея въ рапѣ, сгребаніе въ кучи и насыпаніе въ мѣшки. Плата за эту работу удовлетворительна, но и на соляныхъ озерахъ являются разные эксплуататоры въ видѣ маркитантовъ, которые недобросовѣстными цѣнами на товары, необходимыя для калмыковъ, и недобросовѣстными расчетами съ ними оставляютъ послѣднихъ не при чемъ.

Некоторые калмыки ходятъ для заработка на сѣнокосы, нанимаются къ русскимъ пасти ихъ стада и помогаютъ въ другихъ разнообразныхъ работахъ. Однимъ словомъ, почти въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣнн, въ каждой станицѣ, за исключеніемъ большей части Царевскаго уѣзда, непремѣнно живутъ нѣсколько семей калмыковъ, нанимающихся къ русскимъ въ работу, по живущихъ и-во-дни въ день въ страшной бѣдности, не имѣя возможности болѣе чѣмъ скудными заработками упрочить свое благосостояніе и обезпечить будущность своей семьи.

Небольшое количество калмыковъ занимается хлѣбопашествомъ и земледѣліемъ, преимущественно на Эрженяхъ, впрочемъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и притомъ занимаются этимъ люди или богатые, или самые бѣдные, — послѣдніе въ качествѣ работниковъ или у своихъ соплеменниковъ, или у русскихъ крестьянъ. Эти немногіе хлѣбопашцы сѣютъ пшеницу, рожь, просо, простой табакъ и горчичное сѣмя, которое особенно выгодно сѣять, потому-что при хорошемъ урожаѣ горчичное сѣмя дастъ 150 пудовъ на одинъ пудъ. Хлѣбопашествомъ преимущественно занимаются тѣ изъ калмыковъ, которые долгое время жили при русскихъ селеніяхъ въ работникахъ. Для распаханія земли употребляютъ тѣя-же орудія, какія находятся и у русскихъ. Нѣкоторые улусные мастеровые научились сами дѣлать плуги; но большая часть калмыковъ своихъ плуговъ не имѣютъ, а берутъ ихъ на прокатъ въ русскихъ селеніяхъ у крестьянъ и въ станицахъ у казаковъ за довольно высокую плату (отъ 5 до 7 р. въ недѣлю пользованія); что, какъ справедливо замѣчается г. Небольсинъ, „служитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, что калмыки начинаютъ сами сознавать благодѣянія мирнаго промысла и что они всѣми средствами стремятся усвоить его себѣ поскорѣе“ (стр. 167). Въ облегченіе калмыковъ, затруднявшихся ѣздить въ русскія селенія для помоча своихъ хлѣбныхъ произведеній, были разосланы имъ ручныя мельницы, сдѣланныя въ колоніи Сарептѣ по указанію и чертежу г. Костенкова. — Весьма мало калмыковъ занимается также бакчами, на которыхъ сѣютъ они одни только арбузы, дыни и тыквы, потому-что въ остальныхъ огородныхъ овощахъ они не пуждаются, замѣняя ихъ дикорастущими травами и короньями, которыя перечислены нами выше.

Прочной осѣдлости, какъ обыкновенно мы понимаемъ ее, между калмыками почти не замѣчается по той простой причинѣ, что главное занятіе ихъ — скотоводство, требующее постоянного передвиженія съ мѣста на мѣсто, служитъ главнымъ въ тоту препятствіемъ. Тѣмъ не менѣе по внутреннему ближайшаго начальства калмыцкаго народа, нѣкоторые калмыки Малодербетовскаго улуса построили деревянные или кирпичные (глинобитные) дома для собственнаго жилья и загоны для скота въ зимнее время на отведенныхъ имъ участкахъ земли; вѣсь они сохраняютъ кормъ для скота и топливо на зиму. Но строить только домъ для жилья и убѣжище для скота, тогда явятся и остальные хозяйственныя постройки, какъ неизбежное слѣдствіе перваго. Словомъ, калмыки не чувствуютъ отвращенія къ осѣдой жизни, а только по

своей неразвитости, безпечности, нерадѣнію о своей пользѣ и другимъ причинамъ не могутъ совмѣстить съ ней своихъ занятій скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ, какъ ухитряются дѣлать это многіе русскіе крестьяне Царевского напр. уѣзда, которые, живя осѣдло и занимаясь хлѣбопашествомъ, въ тоже время и богатые скотоводы, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ большія стада, доходящія до 3000 и болѣе головъ скота... Г. Небольсинъ во время пребыванія своего въ Хошоутовскомъ улусѣ въ 1851 г. узналъ, что изъ одного этого улуса желающихъ жить осѣдло калмыковъ оказалось болѣе 300 семей, которыя поселились и пообстроились при самой рѣкѣ: на Табунъ-аральской дачѣ, на островѣ Шамбаѣ, на Круглянскомъ островѣ, на Кутилкиномъ бугрѣ и на урочищѣ Кереди. Въ самой степи въ его время былъ калмыцкій хуторъ. Эти осѣдлые калмыки жили частію въ деревянныхъ избахъ, частію въ мазанкахъ, а болѣе всего въ „турлумахъ“, т. е. въ постоянныхъ не переносныхъ шатрахъ, сдѣланныхъ изъ плетня на подобіе кибитки и обмазанныхъ глиною, внутри которыхъ устроилась печь (стр. 168).

Что касается до права, предоставленнаго калмыкамъ — возводить фабрики, заводы и т. п., то оно остается безъ приложенія къ дѣлу. Калмыки ограничили только постройкою нѣсколькихъ *сюмэ* (капищъ), владѣльческихъ и нѣсколькихъ зайсангскихъ домовъ.

Говоря объ источникахъ обезпеченія существованія калмыковъ, о ихъ скотоводствѣ, рыбодовствѣ и разныхъ заработкахъ, мы до сихъ поръ имѣли въ виду главнымъ образомъ мужское населеніе калмыцкихъ степей. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о женщинахъ калмыцкихъ. Женскій полъ занимается иными работами по хозяйству и трудъ ихъ едва ли не тяжелѣе труда мужчипъ; всѣ семейныя заботы лежатъ исключительно на женщинѣ. „Однѣ изъ женщинъ только что оставивъ доже, спѣшатъ доить коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ отправляются въ поле за аргасуномъ и къ хулкамъ за водою. Далѣе женщины занимаются шитьемъ одежды и другими, свойственными имъ быту работами“. (Подр. свѣд. о Волж. калм. Нефедьева стр. 118).

Женщипъ въ калмыцкой семьѣ, говоритъ другой наблюдатель калмыцкаго быта П. Небольсинъ, хлопотъ много. Она встаетъ въ одно время съ мужемъ. Нѣтъ мужъ управляетъ съ колодцемъ, жена варитъ для него чай, доитъ коровъ, акаетъ, и готовитъ арьянъ. Когда мужъ отправится въ табунъ, чтобы погнать его на водопой, она выпускаетъ изъ хотона тоже на водопой телятъ и дойныхъ коровъ, за которыми сама надсматриваетъ, не довѣряясь меньшему

сыну или дочери. Потомъ принимается она за домашнія работы, придетъ шерсть, связаетъ арканы, валаетъ конхи, чинитъ кибитку, готовитъ кизякъ для топлива. Если есть въ домѣ обиліе и можно мужу изготовить варенаго мяса, она хлопочетъ принасти для него сытный обѣдъ... Главную заботу хозяйки, въ продолженіе лѣта, составляетъ доеніе овецъ и коровъ по два раза въ сутки, а кобылицъ и еще чаще, разъ восемь въ сутки и больше: не пройдетъ и часу, чтобъ кобылицъ не доили... Эта часть домашнего хозяйства требуетъ весьма продолжительнаго времени, и главной хозяйкѣ семьи помогаютъ всѣ женщины, меньшія спохи и дочери... Кроме этихъ ежедневныхъ заботъ, на женщинѣ-же лежатъ рѣшительно всѣ хлопоты по домохозяйству. Она должна во-время тнать арзу, во-время заготовить „шитво“, т. е. и одежду, и обувь, и посуду, и всѣ мелочи, изготовляемая при помощи швейнаго искусства; кухня, освѣщеніе, отопленіе, призоръ за дѣтьми, надсмотръ за мелкой скотиной, ухаживанье и прислуга за мужемъ и сыповьями столько отнимаютъ у хозяйки времени, что пельза не подивиться, какъ бѣдныя калмычки успѣваютъ еще управиться съ хозяйствомъ. Одно доеніе животныхъ, изготовленіе шниця, кумыза, арьяна, випа, и мелкія заботы о домашней расправѣ, судъ надъ перессорившимися ребятишками, распредѣленіе занятій между младшими и взрослыми членами семьи, такъ много требуютъ безпрестанной дѣятельности, что старшей хозяйкѣ рѣшительно трудно улучшить минуту, не только, чтобъ прибрать большую кибитку и освободить ее отъ накопившейся грязи: ей некогда почти заплести себѣ косы“ (стр. 105—107). Само собою понятно, что жизнь жены калмыка рыболова, или занимающагося другими заработками, напр. на соляныхъ озерахъ, должна быть еще тяжелѣе: такой калмыкъ, особенно рыболовъ, почти круглый годъ, съ небольшими промежутками, находится внѣ семьи въ тяжелой работѣ. Поэтому всѣ домашнія работы, вызваніе способовъ для прокормленія своей семьи лежатъ на ней одной. Вообще можно сказать, что женщина калмычка въ семьѣ своей похожа болѣе на рабочее животное, чѣмъ на человека. Какое-то тяжелое, неприятное, отталкивающее впечатлѣніе производитъ калмыцкая женщина. Подобно соплеменницѣ своей Бураткѣ, живущей въ далекой Сибири, рѣдко она имѣетъ здоровый свѣжій видъ. Морщинистое, продывленное, прокопченное лицо, сухія костлявыя руки, безсмысленное тупое выраженіе глазъ, грязный наполненный паразитами бешметъ, двѣ длинныя косы, запитыя въ грязныя тряпки и болтающіяся по плечамъ, неприятный запахъ, распространяющійся отъ нея, — въ

такимъ видѣ представляется по большей части калмыцкая женщина. Исключеніе составляютъ только жены пойновъ, аймачныхъ зайсанговъ и разныхъ ремесленниковъ, жизнь которыхъ болѣе или менѣе обезпечена.— Такое печальное положеніе калмыцкихъ женщинъ сильно вліяетъ на ихъ смертность. Смертность ихъ увеличивается еще отъ родовъ и тѣхъ варварскихъ приемовъ, которыми калмыки помогаютъ женщинамъ при трудныхъ родахъ. „Если, говорить г. Небольспль, роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта состоитъ въ томъ, что когда мучающаяся роженица сидитъ на коверѣ, то сострадательные къ ея мукамъ люди сильно обхватываютъ ее сзади нѣсколько ниже пояса и стягиваютъ ее руками, сколько силъ хватитъ“ (стр. 84). Смертности родильницъ и новорожденныхъ содѣйствуютъ и недостатокъ надлежащаго ухода за ними и пребываніе ихъ зимою въ холодной, пасквозь продуваемой, кибиткѣ. Статистическія данныя, собранныя въ концѣ 1868 г. главнымъ управленіемъ калмыцкаго народа, показали, что численность женскаго населенія калмыцкихъ степей меньше численности мужчинъ на 17,000 д. Такая непропорціональность числовыхъ отношеній между полами въ связи съ другими неблагоприятными условіями калмыцкаго быта вліяетъ и вообще на уменьшеніе количества народонаселенія.

И такъ калмыки въ массѣ своей, не смотря на обширныя привольныя степи, на громадное количество скота, на различныя заработки, на большой запросъ рабочихъ рукъ, остаются крайне бѣдны. Богатыми могутъ считаться, по понятнымъ причинамъ, только пойновы, большая часть зайсанговъ, разныя улусныя чиновники—калмыки и духовенство.

Добавить нужно, что обѣдненію калмыковъ косвенно содѣйствуютъ татары, армяне и русскіе, занимающіеся въ улусахъ торговлею разныхъ товаровъ, необходимыхъ для калмыковъ при ихъ образѣ жизни. Внося опредѣленную сумму за право торговли въ степяхъ въ общественный калмыцкій капиталъ, они стараются вознаграждать себя за это тѣмъ, что берутъ съ калмыковъ за свои товары непомерныя цѣны и большею частію вѣсто денегъ—скотомъ.

Вслѣдствіе бѣдности, невѣжества, неблагоприятной физической обстановки, особенно рѣзкаго перехода отъ страшныхъ зимнихъ холодовъ къ неменѣе страшному лѣтнему зною, вслѣдствіе неразборчивости въ пищѣ, неряшливости, нечистоплотности и т. п. калмыки подвержены многимъ болѣзнямъ, противъ которыхъ большею частію не принимается никакихъ мѣръ за неизлѣчимъ

образованныхъ медиковъ. Ихъ-же собственные лекари — галюны хотя и обладаютъ кой-какими медицинскими познаніями, но рѣдко пользуются ими и по большей части предпочитаютъ лѣчить своихъ пациентовъ медикаментами духовными, т. е. молитвами, суевѣрными шапанскими обрядами, заклинаніями, амулетками...

Болѣзни часто встрѣчающіяся между калмыками слѣдующія: скорбутъ, страшный ревматизмъ (преимущественно имъ страдаютъ рыболовы), разнаго вида чахотки, горячки, лихорадки и сифилисъ. Последняя болѣзнь занесена въ степи калмыками Хошоутовскаго улуса, побывавшими въ качествѣ воиновъ во Франціи во время отечественной войны 1812—14 г., и глубоко пустила здѣсь свои корни, нашедши удобную для себя почву въ неопытности и нечистоплотности этихъ кочевниковъ. Но особенно много жертвъ похищаетъ страшный и досихъ-поръ бичъ для калмыковъ — оспа, которую они называютъ *цэ-цэ-эбэчинъ* — болѣзнь-цвѣтокъ. Не смотря на заботы правительства уничтожить ужасъ въ калмыкахъ при появленіи оспы, несмотря на то, что даже многіе галюны усердно занимаются оспопрививаніемъ, несмотря на то, что и при калмыцкомъ Астраханскомъ училищѣ нѣкоторые воспитанники специально учатся оспопрививанію съ цѣлю, по окончаніи курса, приложить свое знаніе къ дѣлу въ улусахъ, — большинство калмыковъ досихъ-поръ приходитъ въ какой-то неизъяснимый суевѣрный ужасъ при слухѣ о появленіи въ улусахъ оспы. Заболѣвшаго оспой и выздоровѣвшаго, который по этому уже не боится оспы, калмыки называютъ „сѣлымъ“, а того, на которомъ не была еще оспа, — „сырымъ“. При всемъ уваженіи моемъ къ г. Костенкову за его труды, я не могу согласиться съ слѣдующими его словами относительно оспы, часто являющейся между калмыками: „оспопрививаніе, говорятъ онъ, въ калмыцкихъ улусахъ съ каждымъ годомъ идетъ успѣшнѣе, такъ что существовавшій нѣкогда у калмыковъ варварскій обычай бросать въ степи безъ надзора заболѣвшихъ оспой, въ настоящее время совершенно прекратился, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, увеличенія числа оспопрививателей и строгаго надзора за точнымъ и неурѣчивымъ исполненіемъ имъ своихъ обязанностей“ (Труды Астр. Губ. Ст. Ком. Выпускъ 1-й стр. 54). Это было писано въ 1869 г., а вотъ что мнѣ рассказывалъ одинъ мелкій рыбопромышленникъ о недавней оспенной эпидеміи 1873—74 г. Весною того года (74) ему привелось быть, когда оспа была еще въ силѣ, на ватагѣ, гдѣ работали калмыки. Захворала у него одна рабочій калмыкъ и прилагать для лѣченія себя *зурлачя*.

Зурхачей сначала лѣчилъ больного по своей книгѣ, читалъ надъ нимъ молитвы, но потомъ замѣтивъ, что больной страдаетъ осною и она уже явно обозначилась на тѣлѣ, онъ пересталъ лѣчить его и до того испугался, что самъ заболѣлъ осною и черезъ два дня померъ. Умершаго никто не хотѣлъ хоронить изъ опасенія заразиться осною. Одинъ галюнгъ, вѣроятно пріятель умершаго зурхачей, обратился съ просьбою похоронить его къ русскому рыбопромышленнику и предлагалъ за это 25 р. и корову. Русскій человекъ въ виду такого вознагражденія согласился. Но работающіе на ватагѣ калмыки, узнавши объ этомъ, рѣшительно объявили своему хозяину, что они оставятъ его ватагу, если онъ согласится закопать въ землю умершаго отъ оспы зурхачей: они опасались, какъ-бы хозяинъ, заразившись самъ, не заразилъ и ихъ осною. Рыбопромышленникъ, по своимъ коммерческимъ соображеніямъ, долженъ былъ уступить калмыкамъ—рабочимъ. Онъ-же передавалъ мнѣ, что, проѣзжая зимою по степямъ, онъ много встрѣчалъ пустыхъ кибитокъ, въ которыхъ лежали или трупы, или скелеты умершихъ отъ оспы калмыковъ. Имущество: сундуки, котлы, кошмы и вообще вся кибиточная „хурда-мурда“ оставались въ цѣлости, потому-что калмыки боялись прикасаться къ вещамъ умершаго отъ оспы человека. Рѣдко, по словамъ рыбопромышленника, умершій отъ оспы калмыкъ оставался цѣлымъ сутки или двое: голодные собаки веко-рѣ отъискивали трупъ умершаго и оставляли отъ него однѣ кости. Этимъ обстоятельствомъ калмыки нисколько не смущались, а напротивъ еще радовались: по ихъ вѣрованію душа умершаго чѣмъ скорѣе отправится на тотъ свѣтъ къ Эрлику и переселится въ другое животное, чѣмъ скорѣе будетъ уничтоженъ трупъ умершаго хотя-бы то и собаками... Эти собаки нежирящія трупы умершихъ отъ оспы и рыскающіе изъ одного хотона въ другой, не содѣйствуютъ-ли распространенію собой оспы?..

Желающему полюбоваться страшной картиной смерти отъ оспы и того ужаса, какой чувствовали калмыки во время этой памятной для Астраханцевъ оспенной эпидеміи, рекомендую прочитать Астрах. корреспонденцію касательно этого предмета въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1874 г. № 171.

Люди свѣдущіе и наблюдательнѣе изъ совокупности фактовъ подобныхъ, вышеизложенныхъ нами, дѣлаютъ такой весьма неутѣнительный выводъ, что калмыцкому народу въ недалекомъ будущемъ грозитъ совершенное исчезновеніе, если не будутъ приняты, къ-мъ слѣдуетъ, мѣры къ радикальному преобразованію гражданскаго и религіознаго его быта.

(Продолженіе будетъ).

А. Воронцовъ.